Старина про Михайла Данильевича

Что под славным городом под Киевом,
Выступает подратье великое,
Что подратье ли той силы незнамыя,
Что незнамыя силы неизсчетныя:
Еще сорок царей, братцы, царевичей,
Еще сорок королей, королевичей;
И под каждым царем, под царевичем,
Под каждым королем, королевичем,
Еще по три было тьмы, по три тысячи.
Еще сметою сила ей и счета нет.
Как не видно от сиыл светла месяца,
Как не видно во силе красна солнышка.
Набольшим Тит Фарафонтьевич:
Долиной он Тит двадесять сажён,
Шириною он Тит во три сажени.
Голова его, как пивной котел,
Ноги его, как два ясени,
Руки у Тита железныя,
Персты-то, как копья булатныя.
Он и хвалится, похваляется:
«Стольный Киев я град без щита возьму[1].
Божии церкви в огне спалю,
Как девиц и вдовиц всех на блуд спущу,
Еще мелкую сошку повырублю,
Солнышка-Владимира во котле сварю[2].
Душеньку Евпраксию за себя возьму[3]».
Тут и пали, перепали перенощики,
Перенощики пали, пересказнички.
Принесли они вести ко Владимиру,
Что хвалится Тит Фарафонтьевич:
Стольный Киев град он без щита возьмет,
Божии церкви все в огне сожжет,
И девиц и вдовиц всех на блуд отдаст,
Мелкую сошку повырубит,
Князя Владимира во котле сварит,

Душеньку Евпраксию за себя возьмет.
Закручинился тут солнышко-Владимир князь,
Собирает он славных витязей,
Всех святорусских могучих богатырей:
«Поступает рать-сила великая, -
Кто заступит за веру христианскую,
Что за мать Пресвятую Богородицу?»
Большой-от хоронится за среднего,
Средний хоронится за младшего,
От младшего, братцы, и ответа нет.
Тут стояла та скамеечка дубовая,
На скамеечке сидел Данила Игнатьевич:
«Ах ты гой еси, батюшка Владимир князь!
Теперь я, Данилушка, состарился,
А еще далече-далече во чистом поле,
Еще далее того за сине море,
Тут стояла-то дубище кокроковище4.
У этого дубища один отростел, -
У меня-то у Данилы есть единый сын,
Что по имени Мишенька Данильевич.
Кабы был-то мой Мишенька во пятнадцать лет,
Заступил бы за веру христианскую,
А то отроду Мишеньке двенадцать лет,
Не может он, Миша на коне сидеть,
От вострой от сабли укрывается,
От вострого копья он пужается!..»
Ну, поклон отдал, сам и вон пошел,
В монастырь пошел Богу мóлитись.
Тут спроговорил наш солнышко-Владимир князь:
«Ах вы, слуги мои, слуги, слуги верные,
Вы возьмите мою карету золоченую,
Поезжайте вы к Мишеньке Данильевичу,
Помалешеньку к окошечку подъедете,
Со молитвою в окошечко постукайте,
Вы скажите Мише: «тея князь зовет!
Уж про что тебя зовет, про то не ведаем».
Подходили ко Мише со молитвою,
Говорили Мише: «Тея князь зовет!
А про что тебя зовет, про то не ведаем!»

И вставал-то мой Миша на резвы ноженки,
Надевал он свою шубу черных соболей,
Надевал свою шубу на одно плечо,
Надевал он свою шляпу на одно ухо,
Он садился во карету золоченую,
Приезжает он ко солнышку-Владимиру,
Входит он во светлу гриденку,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон отдает по-ученому,
Он кланяется на все четыре стороны,
А князю со княгиней по особице.
Принимали-то Мишу с честью с радостью,
Вставал-то тут солнышко-Владимир князь,
Подходил к поставцу белодубову,
Наливал-то он чару зелена вина,
Зелена вина чару в полтора ведра:
«Кто примет чару единóй рукой.
Кто выпьет чару на единый дух?
Кто заступит за веру христианскую?»
Подходил-то Миша к чаре зелена вина,
Принимал ту чару единóй рукой,
Выпивал ту чару на единый дух,
Сам поклон отдал, да и вон пошел.
Садился тут Миша на добра коня,
Подъезжает он ко кельи новой рубленой,
Постучал он в окошко со молитвою
Сво(е)му батюшке Даниле Игнатьевичу:
«Дай ты мне, батюшка, благословленьице:
Выезжаю во далече во чисто поле,
Заступаю за веру православную!»
И дал ему батюшка благословление:
«Ты возьми с собой крепку палицу,
Котора всех полегче – в девяносто пуд.
Ты поди, поди во конюшенку
И возьми ты коня поученей всех!»
Еще дал ему наставленьице великое:
«Ты бейся, Миша, только трое сутки,
С подъема солнца на закат солнца,
Со заката солнца на подъем солнца,

На четвертыя сутки воротись домой».
Воходил-то он, Миша, в нову горенку,
Он палицу брал потяжеле всех,
Еще весом она в полтараста пуд,
Проходил, братцы, Миша во конюшенку,
Он коня выбирал посердитей всех.
Воезжает он во силу во неверную.
Тут спроговорил Тит Фарафонтьевич:
«Что эта за пташечка за малая?
Малая пташечка перелетыват,
Перелетыват пташечка, перепархиват».
Не стал он, Миша, разговор вести,
Зачал Миша битися-рубитися.
Первый день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света.
Не пиваючи Миша, не едаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
Второй день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света,
Не пиваючи Миша, не едаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
Третий день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бела света,
Не пиваючи Миша, не едаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи,
Тут приходили ему бои несносные.
На четвертыя сутки Мишеньку поранили.
Поворачивал коня круто-накруто,
Поскакал Миша в стольный Киев град,
Подъезжает Миша к своему двору.
Тут встречает его Данило Игнатьевич,
Сонимал он Мишу со добра коня,
Положил его на лавочку дубовую,
Покрыл его платом алым шелковым,
Сам садился Данила на добра коня,
Взял он с собой тяжку палицу,
Что весом та палица в полтретьяста пуд,
И выехал в силу во неверную.
Куда махнет, туда улица,

Перемахнет – с переулочками.
Неверную силу в корень вырубил,
Тита Фарафонтьича ко коню за хвост связал.
Приезжает Данилушка к своему двору, -
Его Мишенька Данильевич представился.
Повернул он коня от нова крыльца,
Он поехал ко солнышку-Владимиру:
«А к чему вам было малаго запаивати?
А к чему вам было малаго подговаривати?»
Тут спроговорил солнышко-Владимир князь:
«Ах ты гой еси, Данилушка Игнатьевич!
А мы похороны справим княженецкия,
Созовем попов с сорока церквей,
Сорок первого владыку Софийскаго,
И честаго отца Печережскаго;
Отпоем ему память вечную,
Еще тризну мы справим шестодневную,
Нищей братье на угощение,
Честному миру на поминание!»

Записана г. Богоразом от мещанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, на заимке Черноусовой, в области Нижней Колымы. Из «Очерков русской народной словесности» профессора В. Ф. Миллера, стр. 417. М. 1897.

В рукописи г. Богораза эта былина озаглавлена так: «Старина про Тита Фарафонтьевича».

1 Вместо обычного в былинах выражения: «За щитом возьму».
2 Вар. Князя Тимофея в полон возьму.
3 Молоду его княгиню за себя возьму.
4 Искажено из кряковистое.

Смотрите также:

Михайло Игнатьевич (Данилович)
Михайло Данилович